

Б.В. Соколов

Иуда из Кириафа

Персонаж романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», восходящий к Иуде Искариоту Евангелий, предавшему за тридцать сребренников Иисуса Христа. Булгаков превратил Иуду Искариота в Иуду из Кириафа, следуя принципу транскрипции евангельских имен, примененному в пьесе Сергея Чевкина «Иешуа Ганоцри. Беспристрастное открытие истины» (1922). У Чевкина был Иуда, сын Симона из Кериофа, а Булгаков сделал своего героя Иудой из Кириафа. В архиве писателя сохранилась выписка этого имени из книги английского историка епископа Ф.В. Фаррара «Жизнь Иисуса Христа» (1873). Чевкин дал весьма нетрадиционную трактовку поведения Иуды, во многом предвосхитив последующее развитие этого образа в литературе и искусстве XX в., в частности, в известной рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда» (1969) (либреттист Тим Раис). Автор «Иешуа Ганоцри» подчеркивал:

«История учит, что если из какой-либо заговорщицкой организации один из членов ее уходит на сторону врагов или просто покидает организацию, то здесь всегда или уязвленное самолюбие, или разочарование в идеях, целях организации или личности вожака, или древняя борьба за самку, или все это вместе в различных комбинациях. Иногда, правда, примешивается, и корыстолюбие, но не как причина, а следствие».

В пьесе Чевкина предательство Иуды вызывается сочетанием всех вышеназванных причин, причем одним из основных мотивов измены здесь выступает ревность Иуды к Иешуа из-за сестры Лазаря Марии. У Булгакова Иуда, казалось бы, предает Иешуа Ганоцри из-за той страсти, о которой начальник тайной стражи Афраний говорит Понтию Пилату: «У него есть одна страсть, прокуратор... Страсть к деньгам». Однако и здесь корыстолюбие в конечном счете оказывается только следствием. Иуда любит Низу и наивно мечтает разбогатеть, чтобы увести ее от опостылевшего мужа. Но в действительности его возлюбленная оказывается агентом Афрания и сама предает того, кто ранее предал Иешуа.

Выписка названия города Кириаф со ссылкой на Фаррара в булгаковском архиве восходит к тому месту «Жизни Иисуса Христа», где, используя в качестве источника книгу Иисуса Навина, Фаррар отмечает: «Кириаф есть имя города на южной границе Иудеи». Соответствующий отрывок в русском синодальном переводе Библии звучит так: «...Города же их (были): Гаваон, Кефира, Беероф и Кириаф-Иарим» (Нав., IX, 17). Чевкин и Булгаков восприняли сделанную Ф.В. Фарраром расшифровку прозвища Искариот, однако по-разному транскрибировали название города (первый, очевидно, пользовался оригиналом, второй, судя по пагинации сохранившихся в архиве выписок, — переводом М. Фивейского, изданном в 1904, где соответствующее место читалось следующим образом: «Вот удел колена сынов Иудиных: в смежности с Идумеею на юге были: ...Гацор-Хадафа, Кириаф, Хецрон, иначе Гацор»).

Из книги Фаррара заимствованы и данные о сумме награды, полученной Иудой: тридцать тетрадрахм, как признается предатель убийцам перед смертью. Английский историк указывал, что во времена Христа евангельских сиклей не было в обращении, «но Иуде могли заплатить сирийскими или финикийскими тетрадрахмами, которые были одинакового веса».

Булгаков стал автором оригинальной трактовки евангельского сюжета, введя в роман эпизод убийства Иуды по распоряжению прокуратора Иудеи. При описании гибели Иуды автор романа «Мастер и Маргарита» использовал целый ряд деталей из очерка русского писателя А.Федорова «Гефсимания», опубликованного в апреле 1911 в петербургском журнале «Новое слово». Здесь переданы впечатления от посещения Федоровым Гефсиманского сада в лунную весеннюю ночь, причем упоминаются многие реалии,

отразившиеся в булгаковском романе; турецкие казармы на месте дворца Пилата (у Булгакова рядом с дворцом расположены римские казармы); караваны арабов-паломников на верблюдах, ничуть не изменившиеся со времен Христа; ворота и стены Гефсиманского сада; переправа через Кедронский поток. В саду автора «Гефсимании» подкарауливали двое разбойников, и лишь присутствие проводника спасло его. От проводника же Федоров узнал, что недавно здесь был зарезан инок Пафнутий. В очерке автор утверждает, что тут же повторил про себя всю историю Иисуса, пришедшую ему на память в этот драматический момент. Об Иуде Федоров отозвался следующим образом:

«Нельзя измерить величие божественной жертвы, но мучительная дрожь охватывает при мысли о том, что за ней и перед ней — предательство. Оно издевается над ее бесплодностью, звоном сребреников оно отвечает на молитву, четками которой служат кровавые капли пота. Оно сторожит на каждом шагу подвиг и предательскими ударами ножа подсекает его корни. Удавился Иуда, но за ним стояли первосвященники. Сила предательства в них. И на смену одного сломавшегося клинка всегда явится другой, чтобы поразить из темноты героя».

Очевидно, не без влияния очерка Федорова Булгаков сделал местом убийства Иуды Гефсиманский сад. В романе его поражает из темноты предательский клинок убийцы. Но Иуда в «Мастере и Маргарите», как и его прототип в «Гефсимании» — только орудие в руках первосвященника Иосифа Каифы. Понтий Пилат убийством предателя не только не может искупить свой грех, но и не в состоянии вырвать корни заговора, причем члены Синедриона в конце концов добиваются отставки прокуратора (в «Мастере и Маргарите» Пилат предчувствует такой исход).

Внимание Булгакова, несомненно, привлекли также слова Федорова о том, что «в продолжение двух тысячелетий на землю эту упали ливни крови: кости сваливались, как хворост, и дикие бури-войны бушевали во имя Христа. Иерусалим разрушался и возникал много раз, но в Гефсиманском саду растут те же сизые маслины, те же красные цикламены качаются среди камней, как огненные бабочки. И люди остались те же». У Булгакова первые капли крови, которые пролились в Гефсиманском саду после гибели Иешуа Га-Ноцри, — это капли крови Иуды. Данному месту созвучны и слова Левия Матвея Понтию Пилату о том, что «крови еще будет», и заключение Воланда на сеансе черной магии в Театре Варьете о том, что со времен Иисуса люди изменились в общем-то мало. И Булгаков, и Федоров ведут счет на два тысячелетия, хотя оба прекрасно представляли себе, что реальный промежуток между временами Иисуса Христа и современной им действительностью — девятнадцать, а не двадцать веков. Поэтому в финале «Мастера и Маргариты» Воланд говорит о Пилате, что тот несет свое наказание одиночеством и бессмертием «около двух тысяч лет».

Отметим также, что эпилог булгаковского романа созвучен воображаемому вознесению Христа из очерка Федорова:

«Туча и луна придают еще более очарования тому, что я вижу, угадываю, почти постигаю. Шире раздалось серебристо-голубое пространство между землею и тучами; бесконечно длинной полосой, изломанной со стороны неба и земли, сияет оно и как бы течет, как светлая река.

Слева, под этой рекой света, еще более яркое пространство, которое все фосфорится и блещет, точно зеркало луны, где она отражается из-за туч».

В эпилоге «Мастера и Маргариты» в сне Ивана Бездомного бывший поэт, ставший профессором истории, видит вознесшегося Иешуа, мирно беседующего с Пилатом, причем «тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит. Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека» — Мастера. Эти двое утешают бывшего поэта, после чего «луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом». Гефсиманский сад из места вознесения Христа у Булгакова

превратился в место убийства Иуды. Автор «Мастера и Маргариты» контаминировал федоровские рассуждения об Иуде и его же рассказ о двух разбойниках в Гефсиманском саду и убийстве там инока Пафнутия.

Еще в 1924 в фельетоне «Багровый остров» дана сцена убийства арапского полководца Рики-Тики, выступающего на стороне иностранных интервентов против родного острова. Она очень напоминает сцену убийства Иуды в последнем булгаковском романе:

«Арап во мгновение выхватил ножик и вдохновенно всадил его Рики-Тики, чрезвычайно метко угадав между 5-м и 6-м ребром с левой стороны.

— Помо... — ахнул вождь, — гите, — закончил он уже на том свете — перед престолом всевышнего.

— Ур-ра!!! — грянули эфиопы».

В «Мастере и Маргарите» «за спиной у Иуды взлетел нож, как молния, и ударил влюбленного под лопатку. Иуду швырнуло вперед, и руки со скрюченными пальцами он выбросил в воздух. Передний человек поймал Иуду на свой нож и по рукоять всадил его в сердце Иуды.

— Ни... за... — не своим, высоким и чистым молодым голосом, а голосом низким и укоризненным проговорил Иуда и больше не издал ни одного звука. Тело его так сильно ударило о землю, что она загудела». Когда Афраний докладывает Пилату об убийстве Иуды, то отмечает, что «убит он с чрезвычайным искусством». На вопрос прокуратора: «Так что он, конечно, не встанет?», начальник тайной стражи философски отвечает: «Нет, прокуратор, он встанет... когда труба Мессии, которого они здесь ожидают, прозвучит над ним. Но ранее он не встанет!» Эпизод убийства Иуды решается как эпическое преобразование пародийного описания убийства предателя Рики-Тики (арапы обвиняют полководца в том, что он их «загнал под чемоданы», то есть намеренно подставил под огонь тяжелых британских орудий). Обоих убивают искусным ударом ножа в сердце, громовое «ура» эфиопов по случаю гибели Рики-Тики превращается в «Мастере и Маргарите» в гул, который издает земля при падении Иуды Одинаковым образом разбито на две части последнее слово, которое произносят жертвы, причем Рики-Тики оканчивает его уже на том свете перед престолом всевышнего. А Иуде предстоит подняться, когда над ним протрубит труба Мессии. Пародийное убийство в фельетоне превращается в эпическое убийство Иуды в «Мастере и Маргарите».

Иуду в конечном счете губит любовь к Низе, чье имя он укоризненно произносит в последние мгновения жизни. Нож убийцы взлетает над Иудой «как молния», напоминая о словах Мастера, которыми тот передает возникновение любви между ним и Маргаритой:

«Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!»

Однако, если Низа предаст своего возлюбленного, то Маргарита до конца остается верной Мастеру и ради его спасения готова даже продать душу дьяволу.

Иуда наделен внешностью благостного красавца: «молодой, с аккуратно подстриженной бородкой человек в белом чистом кефи, ниспадавшем на плечи, в новом праздничном голубом таллифе с кисточками внизу и в новеньких скрипящих сандалиях» — «горбоносый красавец». Здесь он обладает многими чертами Иисуса Христа, отмеченными в книге Ф.В. Фаррара, в том числе деталями костюма: белым «кефи» (наголовным платком), голубым плащом, «таллифом». Английский историк писал:

«Мы можем с благоговейным убеждением верить, что в теле, заключавшем в себе превечное Божество и бесконечную святость, не могло быть ничего низкого или отталкивающего, а напротив, было «нечто небесное», как говорит блаженный Иероним. Всякая истинная красота есть только «таинство доброты», и совесть столь непорочная, дух столь полный гармонии, жизнь столь великая и благородная не могли не выразиться во внешности, не могли не отражаться в лице Сына человеческого. На красоту Его внешности мы нигде не находим ни малейшего указания... но с другой стороны, мы нигде не встречаем,

даже в речи его врагов, ни одного слова или намека, которые бы могли относиться к неблагообразию Его внешности».

Фаррар в глубине души верил, что Христос «не мог быть в своей внешности без личного величия пророка и первосвященника», хотя и отвергал позднейшие апокрифические описания внешности Иисуса как слишком уж идеальные, благостные и неземные:

«Никифор, приводя описание, данное Иоанном Дамаскиным в восьмом столетии, говорит, что Иисус похож был на Деву Марию, что Он был красив и поразительно высок ростом, с светлыми и несколько вьющимися волосами, которых никогда не касалась рука Его Матери, имел темные брови, овальное лицо с бледным и смугловатым оттенком, светлые глаза, несколько сутуловатый стан, и взгляд, в котором выражались терпение, благородство и мудрость».

Еще менее достоверным выглядел портрет Христа в письме некоего фантастического «председателя народа иерусалимского» Лентула римскому сенату:

«Он имеет волнистые волосы, скорее даже кудрявые, винного цвета, которые лоснятся при спадении на плечи и разделяются посредине головы по обычаю назореев. Чело Его чисто и ровно, а лицо Его без всяких пятен и морщин, но рдеет нежным румянцем. Его нос и рот безукоризненной красоты, Он имеет окладистую бороду того же самого орехового цвета, как и волосы, не длинную, но раздвоенную. Глаза у Него голубые и очень светлые».

Британский епископ надеялся, что эти описания «заклучают в себе хотя бы слабый отголосок предания, сохранившегося от времен Иринейя, Папия и апостола Иоанна».

Булгаков полностью отверг свидетельства о внешней, телесной красоте Иисуса. Ею в романе наделен предатель — Иуда, что еще больше по контрасту оттеняет безобразия души этого персонажа. Автор «Мастера и Маргариты» намеренно одел Иуду в голубой таллиф и белый кефи. Согласно символике цветов, приводимой в книге П. Флоренского «Столп и утверждение Истины», белый цвет «знаменует невинность, радость или простоту», а голубой — «небесное созерцание». Иуда действительно простодушен и наивен, искренне радуется тридцати тетрадрахмам, рассчитывая за них купить любовь Низы, но его простота, по поговорке, хуже воровства.

Некоторые важные детали, связанные с сюжетной линией Иуды, Булгаков почерпнул из труда французского историка Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863), против которого выступал Ф.В. Фаррар. Например, упоминание Пилатом в диалоге с Иешуа, что Иуда во время беседы с Га-Ноцри «светильники зажег», связано с рассказом Ренана о канонах иудейского судопроизводства:

«Когда кого-нибудь обвиняют в “соблазне”, к нему подсылают двух свидетелей, которых прячут за перегородкой, стараются зазвать подсудимого в смежную комнату, откуда оба свидетеля могли бы слышать его, не будучи им замечены. Около него зажигают две свечи, чтобы точно установить, что свидетели его видят».

Иуда при скрытых в своем доме свидетелях намеренно провоцирует Иешуа Га-Ноцри на высказывания, которые могут быть расценены как нарушение закона об оскорблении величества. Поэтому после слов о том, что «человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть», уже содержащих состав преступления, Га-Ноцри тут же арестовывают прятавшиеся в помещении стражники.